Люди моего пола держат мир в страхе

В то время как внимание многих отвлечено на кутеж российских футболистов в Монте-Карло и брендовые туфли одного из первых лиц страны, в соцсетях произошел сдвиг тектонических платформ патриархального общества, и цунами от этого нарастает. Впервые виртуальность может по-настоящему изменить реальность.

В соцсетях женщины сначала Украины, а затем и России запустили флешмоб под хэштегом #ЯНеБоюсьСказать. «Фейсбук» и «ВКонтакте» «взорвали» истории – про пережитое насилие: сексуальное, физическое, психологическое. В разном возрасте – детском, подростковом, взрослом. От разных мужчин – отцов, дедов, мужей, прохожих, друзей. Разной национальности, разного роста и телосложения, разного вероисповедания. Насильники занимаются абсолютно разной деятельностью и в подавляющем большинстве они уважаемые члены общества, по которым так и не скажешь…

Это может быть наш начальник, это может быть наш коллега, это может быть семейный доктор, это может быть преподаватель, воспитатель, священник, инженер, полицейский –

каждый, каждый, каждый. От Тюмени до Красноярска, от Москвы до Владивостока, от Хабаровска до Калининграда, Киева, Крыма, Донецка. Объединяют не политики, а общие страдания и страх.

На днях поздно вечером я вышел из машины одновременно с тем, когда из темноты показалась группа молодых людей. По стенке я пошел к подъезду. Мрак едва разбивался парой фонарей, в их отблесках отсвечивала белыми частями моя футболка до колен, на куртке блеснули значки, неубранные в хвост волосы следовали за поворотами головы. Молодые люди стали покрикивать: «Девушка, девушка красивая идет». Мою бороду и черные джинсы скрыл мрак. Уже когда я открывал дверь подъезда молодые люди поняли, что ошиблись гендером, но остановило бы их это от насилия, если бы они на него решились? Возможно, от сексуального – да.

А если бы я действительно был девушкой? Но так ли это важно? А важно то, что вот эти резкие голоса в темноте с опасно комплиментарными выражениями – это уже пролог насилия, потому что они вызывают нехилый страх. И каждому, кто говорит о том, что сами, мол, виноваты, хотел бы заметить: футболка по длине среднего платья, волосы по длине среднего карэ, субтильная фигура, которую во мраке можно принять за женскую – вот этих косвенных признаков уже было достаточно для выкриков группы людей, в ночи шастающей по району. А пары метров от машины до подъезда вполне хватит, чтобы совершить преступление. Мало времени осознать свою вину, потому что пытаешься очень быстро достать ключ, но много времени проявить насилие. Никак не получается с виновностью жертвы, как ни крути.

Одна моя хорошая подруга много лет назад пострадала от попытки изнасилования. Она поехала отдохнуть со знакомыми на дачу… В итоге пришлось спасаться от одного из «знакомых», которому «показалось», что она зашла в домик не просто погреться… Есть и другая моя подруга, которая также подвергалась преступлениям против личности, причем не один раз. У меня вообще много подруг. И мне, наверное, еще не обо всем рассказывали…

Мне известны случаи насилия как физического, так и психологического, которые остались безнаказанными, потому что рядом никого не оказалось, потому что затопил страх, потому что иной раз это и не выглядело как насилие, просто было чувство, что что-то пошло не так. Известны в жутких подробностях, потому что у меня хорошая память, и потому что память жертв насилия эти эпизоды никогда не стирает. И их им приходится пересказывать неоднократно, в приватных беседах, чтобы хоть как-то отпустить.

Нет универсального совета – как справиться с последствиями травмы. Всех к психологу не отправишь, не все к нему пойдут, и он не панацея. Лучшая панацея от травмы – не наносить эту травму.

Это флешмоб про то, как важно говорить. Мои подруги рассказывают неоднократно, слегка отстраненно, приглушенно… Создается ощущение, что всё вокруг затихает, слушая историю ужаса… Потому что в глухой тишине слова этих историй звучат как метроном, как капли, падающие на жестяную крышу… Чувствуешь себя, будто земля, в которую забивают сваи. Методично, четко. Страшно.

Я не боюсь сказать многое. Не побоялся же в свое время сделать камин-аут. Я не боюсь сказать, потому что я никогда не испытывал и толики того, о чем рассказывают женщины. Мне хочется говорить. Я хочу назвать места, даты и даже имена, рассказать больше. Но я не могу. Это не мои истории. У меня нет права обманывать доверие, которое не было бы мне оказано,

будь я по другую сторону баррикад – в патриархальном лагере, где духовными скрепами и кулаками фиксируется чье-то молчание. Но я рад, что благодаря этому флешмобу сотни, тысячи девушек и женщин получили шанс вырваться из лап страха. Я верю, что и мои близкие смогут.

Я не боюсь сказать, потому что знаю, что меня будут слушать. Почему? Потому что люди моего пола покрывают друг друга и держат этот мир в страхе. Потому что сами боятся.

Я не могу сказать, потому что могу и умею слушать. Мне остается это за неимением машины времени, чтобы перенестись в истории моих друзей, когда никого не оказалось рядом, и снять внутреннего Халка со стоп-сигнала. Но и это, наверное, немало.

Пусть и пока я слушаю снова, внутри всё будет переворачиваться каждый раз как в первый.

А тех, кто виноват, я хочу встретить и напомнить. Потому что я уверен – они забыли. И живут дальше. И совершают преступления, часть из которых недавно могли стать «непреступлениями». И до сих пор могут.

Читая истории, вспоминая рассказанное мне, я понимаю, что не различаю агрессоров. Для меня это один и тот же человек – мальчик, юноша, мужчина, старик, который всю жизнь живет, проявляя агрессию. Потому что боится быть пойманным и в то же время чувствует себя безнаказанным.

Но это не так. Танкер молчания получил пробоину. И она все шире. И он обязательно затонет. И всё это черное пятно историй будет шире и шире покрывать такой тихий, теплый уютный океан агрессии. Из него уже сейчас выбрасываются на берег обитатели, показывающие всё свое разъеденное нутро. Вам уже сейчас невыносимо и страшно. Но это еще не всё, зайчики. Будет отравлена вся ваша среда обитания.

Вы только маме не говорите. Она и так знает.